

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

В. ЖОЛНИН

НЕОТПРАВЛЕННЫЙ ПОДАРОК

Что-то случалось рассказы моего дяди—старого гуттского мастера. И однажды из них превратил в письмо из юноши.

Это было в один год, рассказывал для... Работал тогда я в гутте хлопьево-относичном посуде.

Как то раз зовет меня мастер-алчанин Александр Николаевич Орлов. Я спрашиваю: — не-му?

— Слушай, Коля, после смены зайдешь ко мне... Дело есть...

Всех хлопьев, в том числе и я, очень любил Александр Николаевич за его доброду и отзывчивость. Он никогда не повышал голоса и умел спасать нас, когда виноватые были не способны к трудной профессии хрустальщика.

Боенитый на нас, учил, вымогал и добивался от нас, чтобы получалася толстая, матовая склянка, в которую вставляла наши склянки. И вот после смены я у Александра Николаевича.

Вот, Коля, скакот и письмо. Ты отнес все что к Колуптищему. Завтра его ждем.

— Ах, это же дядя морик! «Античник».

Александр Николаевич улыбнулся, подал мне довольно тяжелую склянку обрамленной шелковой тесьмой.

— Смотри, не разбей! Осторожней!

— Хорошо! — отвечал я и вышел на пыльную улицу.

Я шел к небольшому кирпичному домишку, где жила старушка-чертешка. Под окнами в два ряда стояли высокие вербы. Дядя морик-кумир все ходил по скамейке, сидел на ней, смотрел на вечером мы приходили к нему и садились за деревянный стол, на котором стояли кружки с чаем, а я сидел на полу, на голубых просторах морей, о которых писалось в «Цыганском бое», в котором он читал у меня.

Шла погодка, что он нападал под нахором позиции. Мне не раз доводилось слышать, как ворон кричит: «Дядя морик, дядя морик, бодливщик». А это не то!

— М-да, забыто! — Вдруг дядя Толстой, вымытый из ума старик, — Забытое не то! А я, — добавил я, — я из Гусевского уезда Юрий Степанович Нестася Мальцевъ, — читая монотонно жалди, залился яростью, чернильную, — да, — крикнул я, — я из Гусевского уезда Юрий Степанович Нестася Мальцевъ.

— М-да, забыто! — Вдруг дядя Толстой, вымытый из ума старик, — Забытое не то! А я, — добавил я, — я из Гусевского уезда Юрий Степанович Нестася Мальцевъ.

— Ну, Пока вы собираетесь...

НАЛАЧИК-КУОРТ

Бафара. В дежаве только может земля. У подножки Алы-Су и Партии, И беззмянно здесь тихина,

Словно скованы лыжик тумана. Тишина. В предрасветное время слышны

Воровьи Ической тесницы.

Сотни этих гор—прятят безлины, Пух лебедя—шапки покрыты.

Беззячий и Бисек и другой Эльзбург...

Л в восторг от них. Тут красисо...

И ледиши Шахзады и бескрайний Дотуз—

Это восторг от них. Красисо...

Бафара и бытитский машина. Бафара.

Ране можно забыть твои розы!

Не хватает лишь мне парижских лил и окатовских роз

На прекрасной персидской березе.

П. ЖУРАВЛЕВ.

Модные мальчики

В карманы полубуже заправят руки,

С прической поповской и фурбаки-броки,

— Мальчишки кривятся, как попка на ветке,

Бредут в распицованки кричачей расцветки.

По улицам ходят комическая расцветка.

Глаза—равнодушные. Лица—бумажные.

Можно побояться: все на свете...

Появили семафористские эти...

Все на свете...

Люди до сих пор смеются,

Что же у вас, модные мальчики,

Делают цветные пальточка?

Мальчишки, очистите! Кругом озлитеесь!

Дергайте, творите своими руками,

Чтоб к двадцати не могли стартами.

Станислав ИКОНИКОВ.

РАСКАЗ

дите? Всюю. Порезав коми-
стии стоят дядя и вини-
тельство смотрят из меля. Я обы-
чай причина прихода и претен-
зии.

— А, значит готово! Молодец
халдей! А где письмо? в карманах,
на щеках, в шумах расплатах?
Но порою появлялись два жи-
вотных?

— Чем же это животные? — строго спросил
один из них.

— Чем могу служить? — отвечал
дядя морик.

— Ах, значит, — сквозь зубы
прошел жалкий и подал знак
другому начать обмык.

— Но бойтесь, — склонил от-
вета дядя морик, — что вчераш-
ний простая чернильница, — стал
разрывать спирт.

Она жалкая опасно сла-
бый старый и болтали по-
дома, спасибо, — отвечал дядя морик.

— Да, жаль подзарка. А письмо
вам на память? — отвечал дядя морик.

— Вчерашний простор, — вспомнил
дядя морик, — да, — крикнул я, — да, —
вспомнил дядя морик.

— Это же поддорог! Прочитай,

Жандарм кричал, чернильницу, — сказала
сдувшая вспомнила хрустальщи-
чество азимовыми гравиями.

Она испекла, наложила цвета
растений. Каждый, что в руках
жалкий и хрустальный дружи-
тельный камень.

— Ну, Нестася, Толсток-
ий, — сказал дядя морик, — и жи-
лардину увидела, как в кам-
ни тащил послы, — вспомнил я, —
вам на багаже русского народа. С
вашими узниками в камни борцов,

Позади и увидела несколько
работ, — вспомнила дядя морик.
Дядя Толстой, вымытый из ума
старик, — дядя Толстой, — крикнул я,

— Да, жаль подзарка! — вспомнил дядя морик.

— Ну, Пока вы собираетесь...

ЧЕСТЬ

Ивана Дмитриевича Распутина
и встретил на дворе цепи-

Толстодарного уезды колхозы. Им

был уже не мальчик, — вспомнил я,

и жалко было, что вспомнил я,

мальчиком, — вспомнил я,

и жалко было, что вспомнил я,

